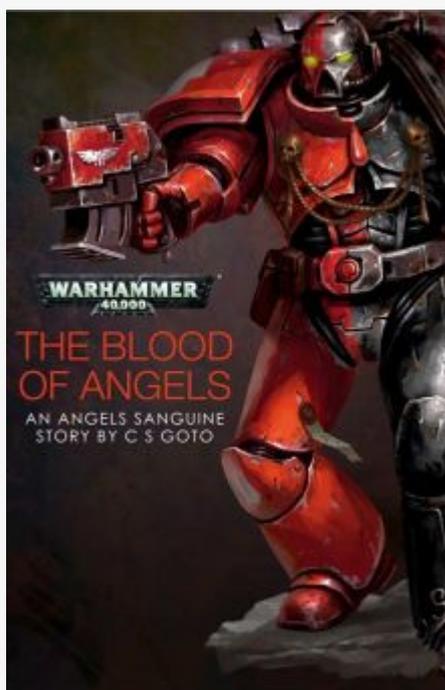

Кровь ангелов / The Blood of Angels (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Кровь ангелов / The Blood of Angels
(рассказ)

Автор	К.С. Гото / C.S. Goto
Переводчик	dima_v
Издательство	Black Library
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Вы и правда хотите узреть ангела? Одно его крыло в раю, а с другого стекает кровь. Никто не страдает так, как он.

Обращение капеллана Ангелов Сангвиновых к послушникам-ваалитам.

Шум двигателей разорвал глубокие тени на полосы пламени. Огромные каменные колонны тянулись к

быстро снижающейся фигуре, протиснувшейся в арки, устремленные в небеса. Реактивный ранец выбросил столп пламени во тьму храма, неся Тендзина вниз от уродливой дыры, которую он проделал в крыше, усеянной горгульями. За его спиной двигался лунный свет, следовавший по диагонали в пустоту внутреннего санктума, напоминающий копье, засевшее в спине. Когда Тендзин повернулся, направляя своё подсвеченное снижение и высматривая цель, свет отразился от его кроваво-красной правой перчатки. Он, казалось, наполнен жизнью.

Санктум содрогался от газового грома прыжкового ранца, рассекающую ужасную тьму, бегущую из этого самодовольного убежища. Тендзин не слышал ничего, кроме рева огня и мощи. В его мозгу кипела кровь, выбивающая дробь в ушах, как боевые барабаны, и приводящая тело в возбуждение. Его резкое снижение с огромного богато украшенного потолка подвергало его тело перегрузкам, которые обычный человек бы не выдержал, но у него только лопнули несколько капилляров и появились красные точки по краям зрения. Тендзин почти ничего не видел в окружившей его тьме. Окровавленные глаза капеллана осматривали темноту на любые признаки движения. Огни его прыжкового ранца посылали тени в безумный танец, создававший на стенах и колоннах странные и неестественные изображения. Глаза Тендзина дергались из стороны в сторону, в попытках отделить случайное движение света от силуэта его врага. Капеллан понимал, что Ансатсу точно его видел, как горящий метеор, упавший с ночного неба.

Вон он. Проблеск красного, потерянного во тьме. Перебегающего от колонны к колонне. Снова пропал. Тендзин замедлил снижение, вынудив двигатели ранца издать громогласный рев протеста, пока они пытались удержать его гигантское тело. Теперь он завис в воздухе, в двадцати метрах над землей. Из ранца вырвался огонь, поджегший церемониальный штандарт, горящие ошметки которого полетели вниз со своих опор между двумя большими колоннами. Части пылающей ткани плавно опускались на землю, проливая крупницы света на каменный пол, создавая в храме мгновения дневного света.

Там. За колонной слева. Красный снова бросается в укрытие, но уже слишком поздно. Тендзин наклонился вперед, над дулом огнемета, балансируя потенциальную отдачу углом наклона прыжкового ранца. Огнемет проснулся к жизни, послав по воздуху шипящую струю химического огня, которая обогнула колонну, как вода огибает камень. Тьма расступилась перед пламенем, как будто обожженная его яростью. С другой стороны колонны раздался резкий взрыв, похожий на взрыв гранаты, неожиданно воспламенившейся от огромных температур. Из-за колонны выпрыгнул воин в броне, ушедший в чистый кувырок, ускоренный, но не получивший повреждений от взрывной волны. Он приземлился на одно колено и дважды выстрелил из болтера в левой руке.

Болты нырнули в струю огня и полетели против её движения, в поисках источника. Тендзин был легкой целью – горящим ангелом, зависшим в пустоте тьмы. Выстрелив, Ансатсу вернулся в тени. Тендзин повернулся в сторону, включив прыжковый ранец, но двигатели не успели оттолкнуть его вовремя. Болты врезались в огнемет, деформировав его. Тендзин выбросил оружие во тьму резким движением и отключил питание ранца. Болты разорвались, и огнемет расцвел ослепляющими яростными всполохами химического пламени, летящими в недвижимый камень гигантской колонны.

Скрытый за внезапной и невероятно яркой вспышкой, Тендзин приземлился на корточки за алтарем в центре храма. От его веса по огромным плитам на полу пошли трещины, но зато он был сразу же готов к бою и находился в укрытии за алтарем. Теперь, когда прыжковый ранец был выключен, а огнемет уничтожен, Тендзин мог быть таким же невидимым, как и его враг.

- Выходи, предатель! – голос Тендзина эхом раскатился между могучих колонн, возвышавшихся над двумя космодесантниками.

- Здесь предатель - ты, Тендзин... - эхо не давало определить, где находился Ансатсу. Тендзин осматривался из-за алтаря, его красные глаза и слух напряженно изучали тени и неожиданную тишину.

- Ты нарушил святость Храма Сангвиния и напал на почетную стражу верховного жреца, одного из Избранных Сангвинием! Ты проклял свою душу и души павших из роты смерти. Ты бесчестишь наш славный орден...

- Нет! - Тендзин не мог слушать это, - это твои грязные дела проклинают твою душу!

Красные углы в его зрении стали темнее, когда в голову прилила кровь, заглушающая мысли и сгущающая напряжение. Кровь Сангвиния бежит в моих жилах. Как он с уверенностью встретил свою смерть, так и я не познаю колебаний. За Императора и Сангвиния!

- За Императора и Сангвиния! Смерть, смерть идет за тобой! - Тендзин вскочил на ноги, выпуская снаряды из шипящего ствола оставшегося оружия, - СМЕРТЬ!

Перегретый воздух с ревом погрузился в скоростное безумие, создав вокруг капеллана кольцо адского пламени, когда он водил мельтаганом из стороны в сторону. Огромные каменные колонны начали покрываться пузырящимися трещинами. За мгновение, основания двух колонн превратились в лужи расплавленного камня, а с крыши посыпались смертельные обломки кладки. Далекий потолок раскололся и начал валиться внутрь осколками пластбетона.

- СМЕРТЬ! СМЕРТЬ ИДЁТ ЗА ТОБОЙ! - кричал Тендзин, поливая огнем из мельты темное пространство святейшего санктума ордена.

За ревом орудия Тендзин слышал металлический звон и звук двигателей. Внезапно, из океана огня и магмы, стекающей по полу, в воздух взвилась фигура, отрицающая гравитацию силой прыжкового ранца. В одной руке Ансатсу держал Грааль Сангвиновых Ангелов, а в другой Эксангвинатор - символы его положения как верховного сангвинарного жреца.

Ансатсу начал двигаться в сторону от жидкого ада, поглощающего пол храма. Его прыжковый ранец победоносно сверкал на пути из огня в сторону всепоглощающей тьмы величественной сводчатой крыши, он был подобен горящему ангелу, возвращающемуся в рай. Но Тендзин двигался быстрее мысли. Он уже отбросил мельтаган и включил свой прыжковый ранец. Избавившись от более тяжелого вооружения, капеллан стал легче чем Ансатсу и пролетел разделяющее их расстояние подобно выпущенному болту. Тендзин с ревом прорвался сквозь собирающиеся тени, активировав силовой кулак, пробудившийся к жизни на левой руке. Как только Ансатсу достиг дыры в крыше, его настиг Тендзин. Не было для времени, для того чтобы вздохнуть, для колебаний, церемоний или мыслей. Тендзин врезался в Ансатсу по восходящей диагонали, пробив силовым кулаком бронированные пластины на его животе. Кулак прошёл сквозь броню, кожу, кости, затем снова через броню и вырвался из спины Ансатсу, насадив его на руку Тендзина. Жрец открыл рот от шока и боли. Его глаза на мгновение сфокусировались на Тендзине, а затем он был мертв.

По инерции они вылетели из дыры в крыше до того, как Тендзин смог остановить свой прыжковый ранец. Он посмотрел вниз с лунного неба, оглядывая разрушенный Храм, верховного жреца и тела мертвых космодесантников во внутреннем дворе. За Императора и Сангвиния.

Аддис скрыл ужас на своем лице за капюшоном. На ступенях Храма верховного жреца он видел капеллана, преклонившего колена над ужасно изуродованной фигурой Ансатсу. По лестнице сбегал

поток крови, заливающий дыру в теле жреца, и собиравшийся в лужу под ним. Капеллан был покрыт кровью, а его глаза блестели красным. Силовой кулак лежал в жидкой грязи у его ног, а в оголенной руке был зажат Грааль ордена, вырванный из посмертной хватки его владельца. В правой руке Тендзин держал Эксангвинатор, бесцеремонно воткнутый в дыру в животе жреца. Устройство энергично работало, высасывая священную кровь Избранного Сангвинием. Но капеллан не собирал драгоценную жидкость в резервуар, а позволил ей вытекать и брызгать из раны в лужу под телом. Она сворачивалась и сгущалась, покрывая броню капеллана новым слоем ихора.

Инквизитор видел более чем достаточно. Он подал быстрый сигнал, выставив свою свиту в атаковую дугу, окружающую основание ступеней, ставших подиумом для ужасного представления капеллана. После очередного сигнала от Аддисса, десантники подняли болтеры «адское пламя» и направили своё неумолимое внимание на Ангела Сангвинового наверху ступеней. Он не смотрел в их сторону, сосредоточенный на своей задаче.

- Капеллан! Все кончено. Остановись!

Тендзин медленно повернул голову, его горящие глаза переходили от стоящего в тени инквизитора к космодесантнику из Караула Смерти за его левым плечом. В глазах капеллана сверкнула искра узнавания. Он слегка прищурился, как будто не верил, что убийства ещё не закончились. Неверие или облечение? Сложно было говорить наверняка.

- Капеллан. Если ты не слышишь меня, то умрешь, - Аддисс понимал, что это - точка невозврата. Место недоступное для человечества, откуда не сможет вернуться даже космодесантник из Ангелов Сангвиновых. Он смотрел, как капеллан медленно встает на ноги, а с его бронированного тела стекают густые потоки крови, дополняющие лужу под ногами. Аддисс смотрел в горящие красные глаза Ангела и, на мгновение, испугался призрачной праведности, горящей в глубине взора капеллана.

- Есть вещи страшнее смерти... - хотя голос Тендзина и дрожал, он был подобен грому. В его голове бурлила кровь, мешающая думать и вытаскивающая голос из неизвестных глубин внутри него, - я не боюсь тебя.

Раздался щелчок, а затем рёв двигателей прыжкового ранца Тендзина, вновь пробуждающегося к жизни. Он медленно поднялся в воздух с широко разведенными руками, в левой был зажат Грааль. С его ног капала кровь, капли посылали миниатюрные приливные волны в луже крови вокруг Ансатсу.

- Я объявляю тебя предателем! Сразись со мной! За Императора! ЗА ИМПЕРАТОРА! - голос Тендзина становился всё яростнее.

- Ты зашел слишком далеко, - чуть слышно пробормотал Аддисс, сжимая кулак, командуя открыть огонь. Шквал болтов разорвал воздух, сосредоточенный на центре дуги, покрыв Тендзина маленькими взрывами. Удары отбросили его назад в воздухе, в тяжелые двери храма. Прозвучал громкий треск, когда от столкновения в стороны полетели щепки, а прыжковый ранец на спине Тендзина отказал. Он упал на землю, покореженный и изломанный. Взбираясь по ступеням к храму и павшему Ангелу, Аддисс остановился, чтобы осмотреть произошедшее. Свита инквизитора оставалась на своих местах, держа на прицеле разбитого капеллана и не выпуская из поля зрения кровавое месиво бывшее верховным жрецом на ступенях храма. За ними лежали облаченные в золото тела почетной стражи Ансатсу, знамя ордена одиноко трепетало на легком ночном ветру, всё ещё зажатое в мертвой хватке знаменосца. Среди тел попадались и десантники из роты смерти из гвардии капеллана, которые сражались до самого конца, сначала против своего собственного ордена, а затем против мощи свиты инквизитора.

- За Императора. За Сангвиния, - в восхищенном неверии прошептал Аддисс.

- Ты знаешь, где находишься?

Тендзин открыл глаза и попытался осмотреться. Его голова не поворачивалась - тонкие полоски адамантия прижимали её к холодному столу. Тендзин поднял взгляд на допрашивающего.

- Нет, - сказал он.

Аддисс смотрел на удерживаемого капеллана. Его глаза больше не были красными, в них осталась только пелена и легкая розоватость. С Ангела Сангвинового сняли броню, а затем положили на Плиту Лестраллио. Кожа Тендзина была покрыта толстыми шрамами, перемежающимися со свежими кратерами от попадания болтов свиты инквизитора. Усиленное тело уже начало затягивать раны, кровь сворачивалась, а продырявленная плоть начинала затягиваться, превращаясь в шрамы.

- Нет? Но ты уже был здесь, капеллан. Ты уже видел это место, правда, с другой стороны.

Яркий свет над плитой бил прямо в болевшие глаза Тендзина и мешал ему понять, где он находится. Капеллан прищурился и попытался внимательнее осмотреть то, что находилось в его поле зрения. Апотекарион. Конечно, они принесли его в апотекарион. Тендзин был здесь множество раз, в качестве капеллана Ангелов Сангвиновых. Он удерживал самых безумных из боевых братьев адамантием и привязывал к Плите. Он смотрел, как они пытаются вырваться и дергаются в конвульсиях, выплескивая содержимое пораженных разумов через рты, пока «черная ярость» не уничтожала их окончательно, разрывая сознание и ломая позвоночник в последнем жестоком спазме. Он слушал тирады Ангелов, потерянных в отголосках видений смерти Сангвиния на борту боевой баржи самого Гора, переживая эти моменты ада, как будто сам находился там. Это было место, в котором проклятие Кровавых Ангелов выглядело наиболее жалко - никакой славной смерти в битве, под несчетными телами убитых врагов и сражения до конца, только крики и агония единственного десантника, оставленного наедине с неотъемлемой частью его природы.

Тендзин тихо засмеялся, в его горле булькала густая кровь. Как это жалко. Неужели этот инквизитор считает, что причину проклятия можно выяснить на Плите Лестраллио? Сам Лестраллио погиб, привязанный к такому же столу, в ужасном безумии, крича в лицо воображаемому Гору «Я объявляю тебя предателем!». Неужели этот инквизитор считает, что я настолько потерян, что меня ждет такая же судьба? Он думает, что я набросился на своих братьев из-за «ярости»?

- Я вижу, что ты, наконец, осознаешь, где находишься, капеллан, - Аддисс с удивлением заметил смех в глазах Тендзина. Его взгляд прояснился и приобрел четкость и пронзительность, указывающий на здравость ума.

- Ты должен ответить на несколько вопросов.

- Что ты рассчитываешь узнать от меня, инквизитор? Почему ты не убил меня? - веселье Тендзина балансировало на тонком краю с появляющимися подозрениями.

- Я здесь частично из-за того, что твои действия заставили меня вмешаться во внутренние дела ордена Космодесанта. Ты и твои братья убили верховного сангвинарного жреца и перебили его почетную стражу. Твое хаотичное восстание было остановлено только благодаря моему вмешательству. Кто бы ещё подчистил устроенное тобой извращенное месиво?

- Значит, ты здесь, чтобы судить меня? Стал бы ты судить Сангвиния?

Инквизитор сделал паузу, услышав такое святотатство.

- Только Император может судить тебя. Я здесь для того, чтобы понять тебя и подобных тебе. Ты ответишь на несколько вопросов. Начнем с трех месяцев назад, когда верховный сангвинарный жрец Ансатсу Ракутен перевел тебя из первой роты в десятую...

- Как пожелаете, господин, - Тендзин низко поклонился, приложив правый кулак к сердцу. Он распрямился, посмотрел в глаза Ансатсу и повернулся, чтобы уйти. Капеллан подавлял свою злость, и её было сложно заметить, скрытую под достойным поведением. Ансатсу внимательно наблюдал за ветераном. Он знал Тендзина дольше, чем обычные люди живут. Капеллан был лучшим из ветеранов Ангелов Сангвиновых, величественным в битве и тщательным в исполнении долга перед проклятыми и обреченными. Перед каждой битвой он обходил свою роту, не облаченный в броню, с церемониальной маской смерти зажатой на сгибе локтя. Когда Тендзин приближался, каждый из Ангелов падал на одно колено и прижимал правый кулак к груди. Капеллан останавливался и вставал на колени перед паствой, и смотрел им в глаза, не говоря ничего. Абсолютно ничего. Он благословлял их тишиной перед грядущей бурей. Под его влиянием меньшее число Ангелов поддавалось «черной ярости» накануне битвы. Он придавал им уверенность, вдохновлял гордостью и доблестью, подавляя отчаянную жажду крови, скрывающуюся под поверхностью разумов.

Когда капеллан первой роты Реонтрек погиб, Тендзин должен был занять его место. Тело Реонтрека было найдено в глубине катакомб Хегелиана 9, в которые была отправлена рота смерти, для поиска и уничтожения остатков побежденной армии тиранидов. Рота пробилась сквозь запутанный подземный мир, уничтожая всё на своем пути и утоляя «жажду» кровью чужаков. Тираниды были начисто уничтожены, а рота смерти продолжала миссию по поиску и уничтожению ещё несколько недель, до того, как сам верховный жрец вернул их под контроль, обернувшись для этого святым Саваном Сервия и неся знамя Ангелов Сангвиновых. Только сила, внушающая такое благоговение, способна была остановить ярость роты смерти.

Ансатсу нашел тело Реонтрека, разорванное на части в маниакальном безумии его собственной роты. По пещере были разбросаны части черной брони, покрытые кровью. Также там лежали тела шести или семи десантников, с отсеченными конечностями, некоторые из них продолжали жалкие дергания, крича и требуя продолжения битвы. Именно тогда Ансатсу решил сделать Тендзина капелланом роты смерти. Он будет удерживать «ярость» под контролем, или умрет в попытках добиться этого.

Молодой капеллан был польщен возложенной на него честью и справился с задачей, оказавшейся непосильной для Реонтрека. Никогда больше орден не терял контроля над ротой смерти, она изменилась благодаря суровой дисциплине и спокойному вдохновению нового капеллана. Однако Ансатсу, казалось, не был доволен этими долгими десятилетиями. Он следил за Тендзином как ястреб, подозрительный и циничный. Тендзин чувствовал, как глаза Ансатсу сверлят его спину, пока он покидал храм, разжалованный. Я не повернусь, думал он, уверенно шагая по ступеням, спускающимся от величественных входных дверей. Его шаги по камням тяжело отдавались в воздухе, отражая настроение его мыслей. Порыв ветра принес облако красной пыли, скрывающее его спускающийся силуэт. Пески пустынной планеты взвились, и Тендзин остановился на последней ступеньке, позволяя им поглотить его. Когда пыль рассеялась, капеллан уже исчез.

- То есть ты убил его, чтобы отомстить за свою честь? Твоя злоба превратилась в ярость? - неожиданно обвинил Аддисс, логика его заключений ускользала от Тендзина.

- Нет, инквизитор. Моя честь не была запятнана. Любая служба Императору и Сангвинию одинаково почетна. Я убил его потому, что он был предателем. За Императора и Сангвиния, я принёс ему смерть.

Инквизитор наблюдал за тем, как в горящих глазах капеллана сформировалось упорная решимость.

- Но тебя оскорбили действия верховного жреца. Ты был зол на его приказ.

Теперь это не вопросы, а утверждения.

Это была не злоба. Но был вопрос «ярости».

- Я не мог понять, почему он перевел меня из 1-й роты. Я был единственным капелланом, который мог держать роту смерти под контролем. Ансатсу знал это.

- Так значит, тебя погубила твоя гордость?

Тендзин болезненно улыбнулся, и в его горле застряла вспузырившаяся кровь. Он закашлялся, напрягая мышцы шеи, сжатые адамантиевыми кандалами.

- Нет, инквизитор. Моя гордость погубила Ансатсу. Из-за неё я начал сомневаться в мотивах жреца.

Силуэт в капюшоне молча стоял на коленях, смотря на пол. Черный цвет его богато украшенной силовой брони блестел там, где выступал из-под темной робы. Стоящий был абсолютно неподвижен, он застыл, благодаря почтению и дисциплине.

Ансатсу рассматривал сгорбленную фигуру несколько мгновений, побитую инсигнию Ангелов Сангвиновых на его плече, прекрасно нанесенную за какое-то время до того, как сам жрец родился. Его глаза скользили по линиям ангельских крыльев, следовали за линиями глубоких царапин на нагрудной пластине, пока не встретились со взглядом черепа Караула Смерти на другом плече. Ансатсу с интересом думал о том, что за когти могли оставить такие следы на броне космодесантника.

- Добро пожаловать домой, библиарий.

Ашок поднял глаза и встретился взглядом с верховным жрецом, он чувствовал, что слова были искренними. В глазах Ансатсу читалось не только радушие, но, возможно, восторг.

- Я рад вернуться, повелитель, - на самом деле Ашок никогда не считал Ваалий Троицу своим домом. Обычно орден странствовал, но остановился на этой радиационной дыре незадолго до того, как Ашока призвали в Караул Смерти, и он не возвращался ни разу за десятилетия службы.

- Это честь увидеть тебя снова, Ашок.

- Честь служить - моя, повелитель, - библиарий пробыл на Ваалии Троице примерно год, после возвышения Ансатсу до верховного жреца, до того как отбыл на службу в Караул.

- Ты обнаружишь, что многое изменилось, - Ансатсу вглядывался в глаза Ашока, ища что-то недосказанное, пока продолжал говорить, - и, я считаю, что к лучшему.

- Я слышал о некоторых событиях на Ваали Троице. Интересных событиях, - ответил на взгляд

верховного жреца Ашок, с легким оттенком любопытства.

Ансатсу, казалось, удовлетворился этим.

- Только сегодня я посчитал, что необходимо отстранить опытного капеллана от его положения в роте смерти. Ты, может быть, помнишь капеллана Тендзина?

- Да, помню. Когда я отбыл, он был капелланом второй роты. Тогда я считал, что он надежный брат. Я помню, что его назначили в роту смерти после Хегелиана 9.

Ашок, конечно же, пережил экспедицию на Хегелиан 9. Он убил семерых братьев из роты смерти, перед тем, как справился с «жаждой» одной только силой воли, покорив «ярость» и превратив её в мощнейшее оружие. Ашоку был передан Саван Лемартеса, хранителя проклятых, а Караул Смерти призвал его практически сразу же. Ансатсу улыбнулся, когда в его мысли пришло осознание.

- Я чувствую, что наши ряды снова начинают загрязняться, библиарий. Тендзину будет лучше заняться чем-то другим. Увидим, что рота смерти может сделать без этого капеллана.

Ашок мрачно кивнул. До него доходили слухи об этом загрязнении.

- Расскажи мне об этом Тендзине и пятне на нашей чистоте.

Скауты десятой роты преклонили колени, их головы были опущены, а кулаки прижаты к груди. Формирование скаутов стояло перед штурмовыми мотоциклами, блестящими на пустынном солнце. Красная пыль покрывала бронированные панели, затемняя золотую окантовку, выступающие шины и черные выхлопные трубы, выступающие из массивных двигателей. Скауты носили легкую боевую броню в расцветке Ангелов Сангвиновых со свежей гордостью недавно посвященных. Четкая вертикальная линия разделяла бронированный костюм, отделяя непроницаемый черный левой стороны от кроваво-красного с правой. Два цвета символизировали двойственность природы Ангелов – славу, заработанную в кровавых битвах и тьму, скрывающуюся в кроважидных душах.

Скауты Ангелов Сангвиновых не носили шлемов, поэтому Тендзин мог смотреть в глаза каждому из них, шагая вдоль линии и оценивая свою новую роту. В глазах каждого горели почтение и отвага. Тендзин сосредоточил в своем взгляде всю свою мудрость и молча продолжил. В глазах некоторых он видел искры осознания, мгновения, во время которых скаут открывался для влияния Тендзина. Проблески облегчения и уверенности в себе плясали в огне их решимости. Но от других капеллан не мог получить ничего. Его взгляд встречали пустые глаза, полные враждебности и насилия. Нетерпеливые глаза. Тендзин осматривал владельцев этих взглядов внимательнее, всматриваясь в души, отражающиеся в них.

Их было слишком много. Тендзин остановился в конце строя и, поколебавшись, повернулся, чтобы обойти его ещё раз. Слишком многие из них находятся на самом краю. Капеллан медленно зашагал вдоль своей новой роты, останавливаясь, задержавшись у девяти отдельно стоящих скаутов. Они находились на самом краю бездны и отчаянно желали битвы. Слишком отчаянно. Их слишком много, подумал он, целое отделение. Капеллан прикоснулся рукой ко лбам девяти пораженных скаутов, пробормотав беззвучную мантру и быстро направился в реклюзиам. Девять выбранных скаутов резко поднялись на ноги и последовали за капелланом, их тяжелые ботинки с каждым шагом поднимали песок.

- Вы в девятером составите мою почетную стражу, - объяснил Тендзин, пока остальные стояли по стойке смирно. Возможно, это будет единственным способом контролировать их, ничто не удерживает «жажду» так, как гордость, - мы выступим одним отделением.

Скауты рывкнули в унисон, показав свой энтузиазм. Они хотели впечатлить нового капеллана, в особенности такого почитаемого, как Тендзин.

- Наши местные информаторы докладывают о возможном заражении в одном из поселений на дальней стороне Бабатриксих гор. Мы проведем расследование и, при необходимости, зачистим скверну. Это ясно?

Тендзин был обеспокоен. ДЕВЯТЬ молодых скаутов, похоже, покорятся «ярости» в грядущей битве, в их первой битве в качестве Ангелов Сангвиновых. Такого количества не было никогда, в особенности среди молодых посвященных. Обычно «жажда» вырабатывалась со временем. Постоянные битвы, опыт пролития крови и убийства врагов Императора, осознание трагической судьбы Сангвиния. Чаще всего «жажду» возбуждали эти факторы, и она проявлялась у долго служивших Ангелов. Первая рота, рота смерти, была полна ветеранов, старейших, самых опытных и омытых кровью воинов ордена.

Не смотря на это, рота смерти носила свои имя не просто так. Самые могучие и неуязвимые десантники, служащие в ней, принесли смерть бессчетному числу врагов Императора. И себе. Потерянные в безумии «ярости», жаждущие крови, насилия и битвы, многие вступали в битву с многократно превосходящим их врагом, которого даже они не смогут победить. Не зависимо от того, насколько славными и величественными были победы роты смерти, на Ваалий Троицу всегда возвращалось меньше десантников, чем отбыло. Рота смерти несла большие потери, чем любая другая рота Ангелов Сангвиновых. Они были омыты большим количеством крови, чем мог желать даже Кхорн. Тендзин вздрогнул, вспомнив о судьбе своего предшественника на Хегелиане 9.

Девять едва принятых скаутов на грани «ярости» казались чем-то невероятным, но Тендзин отбросил беспокойство. Возможно, я ошибаюсь, может быть, они просто преисполнены благоговением. Прошло уже много времени с тех пор, как я смотрел в глаза настолько неопытным воинам. Посмотрим, что битва сотворит с их душами.

Верховный жрец утомленно погрузился в густую, вязкую жидкость, позволив ей обхватить его тело, создать вокруг кожи слой глубокого блестящего красного, постепенно просачивающегося сквозь узловые точки черного панциря. Он откинулся в своём церемониальном саркофаге, на котором были высечены древние символы предыдущих верховных жрецов, и позволил крови окутать его, оставив на виду в почтительной тишине храма только лицо и грудь.

- Дети мои, вы можете идти, - прошептал Ансатсу. Его голос отражался и петлял в тишине между колоннами санктума.

Трое мужчин низко поклонились и сняли механизмы со своих шей, позволив блестящим каплям крови стечь на безупречно чистый каменный пол. Почтительно прождав несколько долгих секунд, мужчины распрямились и неуклюже пошли к выходу из святого чертога. Они хромали и ковыляли из-за неестественно мускулистых тел. К тому времени, как они вышли, перед лицом Ансатсу встала на место тяжелая плита, закрывшая его в ритуальном положении отдыха верховного сангвинарного жреца.

Он медитировал лежа, ощущая деликатное давление крови на тело, заменяющее привычные твердое

металлическое ощущение брони теплым прикосновением свежей жидкости. По поверхности умиротворенно прокатывались крошечные волны, проходящие сквозь узловые механизмы черного панциря жреца, будто притянутые каким-то давно позабытым осмотическим процессом.

Ансатсу закрыл глаза и сконцентрировался на том, как бежит его кровь, представляя смешивание свежей и застоявшейся жидкостей, накачивающих его улучшенное тело новой энергией под усиленное биение двух сердец. Кровь прошла сквозь его омофагию, и жрец немедленно почувствовал эффект. По его телу постепенно разбегалось тепло, покрывая его кожу ощущениями боли и наслаждения, заставляя потерять ориентацию и превращая емкость, в которую он был погружен, в короб с клинками и огнем. Ансатсу со всплеском дернулся, и в темном пространстве саркофага пошла рябь. В его крови горело великолепие Сангвиния.

С неожиданным шипением разгерметизации украшенная крышка саркофага вернулась в стену санктума, и волна холодного сухого воздуха ударила в лицо Ансатсу. Его глаза резко открылись и он сел прямо, выплеснув кровавый дождь через край резервуара, обрызгавший вычурную крышку одного из саркофагов, стоявших у стен ритуального зала.

Жрец прошел по холодному полу, оставляя кровавые следы, к алтарю, на котором лежал Эксангвинатор. Подняв его с подставки, верховный жрец пристегнул механизм к специальному крану на шее, который устанавливался во время ритуала восхождения в верховное жречество. Устройство сразу же пробудилось к жизни, благодаря части Сангвиния, бегущей в нём. Механизм издавал тихие щелчки, засасывая запас драгоценной крови Ансатсу в резервуар на ручке. Наконец, отцепив устройство от шеи, жрец отсоединил резервуар и налил небольшое количество крови в церемониальные кубки, установленные на алтаре, подготовленные для неофитов и недавно посвященных.

Ночь была разорвана оранжевыми лучами низко нависшей луны. Мотоциклы скаутов с ревом мчались по узкой горной дороге, сбивая камни, собирающиеся в небольшие обвалы. Из мощных фар вырывались конические лучи, освещающие пейзаж и подсвечивающие колонну скаутов изнутри. Путь был таким узким, что отделение двигалось друг за другом, но мотоциклисты были уверены в себе и неустрашимы. Они подсказывали и уклонялись на неровной почве, передвигаясь на самом краю обрыва слева и сдирая краску с брони о стену горы, находящуюся справа. Тендзин поднял сжатый кулак и остановился на гребне возвышенности. Скауты подчинились, заглушили двигатели, погасили свет и молча заняли позиции за спиной капеллана. Его силуэт подсвечивался луной и был окружен мерцающей аурой золотого света. Тендзин знал толк в драматизме и при этом понимал, какое большое значение имеет благоговение, когда возглавляешь отделения проклятых. Капеллан включил комм и раздалось шипение статики.

- Соблюдайте тишину. Нагабоши и Эндо – со мной. Остальные – держать позицию.

Два скаута из первой линии слезли с мотоциклов и заняли позиции рядом с Тендзином. Троица величественно возвышалась на вершине горной тропы. Лунный свет играл на их броне, посылая сверкающие искры в разреженный воздух. Остальные скауты не могли отвести от них благоговейных взглядов, их сердца сжимались от гордости.

Внизу склона, под выступом, был разбит временный лагерь. В центре лагеря горел мрачный огонь, выплывающий в небо столб дыма, закрывающий звезды и угрожающий поступить также с луной. В промежутках между тентами и огнем дергано передвигались силуэты. Они тряслись и изгибались,

скручивая голые тела в неестественные позы. И смеялись, громко смеялись. На заднем плане прозвучал тихий пульсирующий удар. Его сила вогнала силуэты в ещё большее безумие.

Капеллан шагнул вперед и сфокусировал своё улучшенное зрение. Глаза людей людей расширились, а рты были безвольно открыты. С зубов свисали капли слюны, как будто люди начали впадать в бешенство. Слюна сбегала по подбородкам и шеям, капая на грудь, будто краска. Будто краска. Это была не слюна, а кровь. Символы на грудях выглядели ужасно знакомыми.

Тендзин быстро осмотрел остальной лагерь. Усталые фигуры сидели в пыли, их колени были подтянуты к груди и они слегка покачивались, пока из уголков ртов бежала кровь. Некоторые доставали из огня куски мяса и жадно вгрызались в них, облизывая губы, как собаки, брызжащие слюной. Отчаянная группа испуганных людей была связана цепями друг с другом и прикована к горе около входа в пещеру под выступом.

Дым собирался в широкую колонну, шатающуюся в разные стороны подобно ленивому торнадо. Затем пришло осознание. Черный дым, окровавленные рты, разрывание плоти. Тендзин напряг глаза и взгляделся в огонь. Он безумно горел и сверкал, трещал и шипел, бросая в лица безумцев куски жира. Вот оно.

Огонь, казалось, принял неестественный красный цвет и отсвечивал оранжевым, из-за лунного света и голодного костра.

В нём лежала рука. Обгоревшая настолько, что на ней не осталось плоти, но явно человеческая рука. Она тянулась из огня, как будто прося о помощи, как последний отчаянный рывок утопающего. В огне начали проявляться и другие части тела. Ноги, кисти, головы и ступни. Десятки, брошенные друг на друга и подожженные. Огромная куча горящей плоти, посылающая в ночное небо едкие клубы смерти, как какое-то абсурдное барбекю.

- Что они делают, сэр? - в глазах Эндо горели желание понять происходящее и недоумение. Ему происходящее одновременно казалось ужасным и притягательным.

- Танцуют, Эндо. Они танцуют, - повернулся к скауту Тендзин и взглянул в его глаза. Они были горящими и покрасневшими, - они просто танцуют, - мягко повторил капеллан, прищурившись.

- Что мы будем делать, брат капеллан? - низкий голос Нагабоши прервал концентрацию Тендзина. Он повернулся ко второму скауту и был шокирован тем, что в его глазах читалось безумие, и они были налиты кровью, - Мы должны что-то предпринять! - настаивал Нагабоши, его голос стал практически неестественно низким. Тендзин сделал паузу, вглядываясь в глаза скаута и пытаясь найти что-то кроме жажды крови, но не видел ничего. Повернувшись обратно к ужасной отталкивающей вечеринке, он вновь осмотрел происходящее. Танцоры всё еще неестественно дергались и прыгали вокруг огня, кровавые символы на их грудях были знаком Кхорна. Капеллану приходилось сражаться с самим собой, чтобы контролировать «ярость». Он чувствовал, как она собирается в его диафрагме, заставив его дыхание участиться. В уме он шептал Морипатрис, загоня мысли глубоко в легкие и позволив им вернуть дыхание в норму.

- Вы двое, за мной, - скомандовал он мощным голосом, не позволяющим отказаться. Двое скаутов за его плечами повернулись и последовали за Тендзином к ожидающему отделению, нетерпеливо оглядываясь через плечо, пока они ползли во тьме скал. По крайней мере, они следовали за капелланом.

Тендзин достал упаковку, аккуратно завернутую в блестящую черную ткань, из хранилища позади

мотоцикла. Он осторожно развернул мягкий материал, под которым оказалась стилизованный и украшенный шипами череп – его маска смерти. Она сверкала глубиной тьмы, наполняя ночь новыми оттенками черного. Маска с шипением встала на место, когда Тендзин надел её, а застежки зафиксировали на броне с идеальной точностью. Лицо капеллана было скрыто, и скауты обнаружили, что смотрят в лицо самой смерти, чьи нечеловеческие глаза в мертвецких глазницах горели всепроникающим фиолетовым светом.

Скауты Ангелов Сангвиновых выстроились перед ним, и Смерть прижал правый кулак к груди, зажав в руке светящийся розарий, броню души капеллана, подарок, с нежеланием выданный Экклезиархией. В левой руке капеллан вытянул Крозиус Арканум, символ своего положения. От крозиуса расходились крылья Сангвиния, выпускающие фонтаны красного света из капли его крови, заключенной в сердце оружия, и омывали скаутов аурой чистоты. Я способен на большее, чем это, переживал Тендзин, смотря на смешанные выражения трепета и нетерпеливости, пока он проводил ритуал Морипатрис – Мессу Смерти.

- За Императора и Сангвиния! Смерть! Смерть идёт за оскверненными!

- СМЕРТЬ ИДЁТ ЗА ОСКВЕРНЕННЫМИ! – в один голос присоединилось к нему отделение скаутов.

За мгновение скауты оказались в седлах штурмовых мотоциклов, чьи двигатели урчали с нетерпеливой силой. Тендзин возглавил колонну, полный сомнений о порученной ему команде новичков, разрывающийся между сильным желанием уничтожить оскверненных на другой стороне горы и настолько же сильным беспокойством, что ещё более серьезная скверна скрывалась с этой стороны гор. Он прогнал мысли прочь. Битва откроет души скаутов.

- За Императора и Сангвиния! – подняв Крозиус над головой, прокричал Тендзин, его мотоцикл ожил и рванул через вершину тропы в размытых красно-черных цветах, украшенных золотом. За ним следовала колонна праведности, каждый из десантников отрывался от земли, когда проезжал вершину перевала. Мотоциклы пролетали резкий спуска за один прыжок, перед тем как приземлиться и затормозить в пыли в центре отвратительного лагеря. Фары светили ярче, чем огни костра каннибалов, а барабаны танцоров потерялись в яростном шквале болтерного огня.

Библиарий мягко снял с головы капюшон, в первый раз со своего возвращения показав лицо верховному жрецу.

- Благодарю, - сказал он, приняв бокал с красной жидкостью из вытянутой руки Ансатсу.

Двое десантников заняли церемониальную позу на коленях, смотря друг на друга в тихом пространстве, устланном вревним Саваном Сервия. В этом месте не было ни слуг, ни сервиторов наблюдения, они находились в одиночестве.

Ансатсу внимательно смотрел, как библиарий пьет из бокала.

- Прошло много времени, с тех пор, как я в последний раз пробовал кровь Ваалия Троицы, - сказал Ашок.

- Она как нектар, не так ли?

- Да, в ней, однозначно, есть что-то особенное.

- Караул Смерти меняет десантников, даже библиариев, - начал рассуждать Ансатсу.

- Да, но изменения могут быть совершенно разными и приходить из разных источников, - ответил Ашок с легкой улыбкой, играя с сосудом с жидкостью так, что кровь двигалась водоворотом. Он поднял взгляд, встретившись с Ансатсу своими глазами, которые, казалось, сверкали неопишуемой чернотой внутри, - всё меняется и здесь.

- Если бы ты не покинул орден, сразу после того, как эта планета стала нашим домом, а я удостоился чести стать верховным жрецом, ты бы яснее видел эти изменения. Я возлагал на тебя большие надежды, после Хегелиана 9.

Ашок слегка кивнул, потянувшись своими мыслями к словам Ансатсу и проверяя их.

- Да, теперь я вижу это. Впрочем, у Караула Смерти тоже были на меня планы, и служить в нём было честью. За Императора и Сангвиния.

Культисты умирали как животные, вопя и разбегаясь в страхе. Нет, не в страхе, они получали удовольствие, думал Тендзин, когда под ударом его силового кулака исчезли отвратительные черты окровавленного безумного лица. Это было оргией и кровавой резней одновременно.

Отделение скаутов пару мгновений соблюдало формацию - колонна ездил вокруг лагеря, загоня оксверненных в тесную группу, а затем поливая их огнем болтера. Тендзин отъехал в тень на окраине, прямо за мерцающим огнем костра, добивая оставшихся или особенно быстрых врагов. Его силовой кулак гудел и доставлял мгновенную смерть всем, кто видел его ужасающее лицо. Не многие смогли убежать благодаря тактике отделения, и капеллан вскоре остановил свой мотоцикл и осмотрел происходящее. Он почувствовал облегчение, когда увидел дисциплинированность отделения новичков, их четкую работу по загону культистов на казнь. Также он смотрел и на врагов. Все они были отмечены нанесенной кровью на грудь маркой Кхорна, каждый из них испытывал извращенную радость от постигшей их кровавой судьбы. Они не сопротивлялись. Эта битва не была достойна космодесантника.

Как только облегчение утвердилось в его мыслях, Тендзин начал подмечать новые детали. Культисты были изменены. У некоторых из-под кожи выступала чешуя, у других из животов начинали расти руки. Большая часть была чересчур мускулистой, но при этом согбенной, как будто их мускулы переросли их скелеты и заставляли их втягиваться внутрь себя. Некоторые казались слепыми, бегающими по кругу вместе с толпой.

Но дело было не только в культистах. Пленники, скованные на краю лагеря, также были мутантами. Тендзин смотрел на одних, затем на других, и единственным отличием был символ Кхорна, нанесенный на груди скота, на бойне в кольце смерти скаутов.

Неожиданно скауты разорвали построение. Первым это сделал Нагабоши, резко дернув мотоцикл из колонны. Он развернул заднее колесо по дуге, а затем подал мощность в двигатель.

Нагабоши рванул вперёд, в сердце толпы культистов, бездумно стреляя из болтера и пробивая дыры в телах и толпе. Через мгновение он оказался среди них, его мотоцикл скашивал окровавленных тела, крошил кости и черепа под своим весом, пока плотность толпы не остановила его. Затем Нагабоши оказался на своих двоих. Он бездумно вращался в толпе культистов, посылая болты во все стороны. Выстрелы из болтера начали покидать быстро уменьшающуюся толпу, некоторые из них попадали в броню остальных скаутов, которые быстро рассеялись.

Эндо спрыгнул с мотоцикла, когда болт попал в двигатель, от которого в ночь с шипением повалил пар.

Скаут выбросил болтер и начал разрывать культистов на части голыми руками.

Остальные растянулись по всему лагерю на мотоциклах, убивая всех оскверненных, кого могли найти. Тендзин с ужасом смотрел, как группа мотоциклистов проехала мимо пленников и безжалостно расстреляла их, просто оказавшись рядом.

Капеллан завел мотоцикл и воздел Крозиус, активировав энергию и наполнив лагерь аурой Сангвиния. К тому времени, как он добрался до центра лагеря, с литанией повиновения, раздающейся из-под его Маски Смерти, Эндю уже пробился сквозь культистов и добрался до Нагабоши. Он ударил кулаком в спину боевого брата, сломав ему позвоночник и отправив в нокаут на песок.

Тендзин ударил Крозиусом по земле и из крови Сангвиния, находящейся в его центре, ударил яркий свет. Скауты по всему лагерю остановились как вкопанные, парализованные священным трепетом, наполнившим их. Они боролись с невидимой преградой, как будто пытались вырваться из оков, заключенных глубоко внутри. Эндю заметно шатался, а затем упал на землю, в агонии схватившись за голову.

Капеллан величественно стоял в центре лагеря, освещенный горячей силой Сангвиния, пульсирующей в его руках. Всё было в крови, пропитавшей песок и собирающейся в лужах под трупами. Никто из людей не выжил, погиб весь клан, как культисты, так и пленники. Три скаута, включая Нагабоши, были мертвы, хотя такие примитивные слуги Кхорна не имели ни малейшего шанса убить космодесантника.

- Объяснись, капеллан, - верховный жрец безучастно стоял перед алтарем в Храме Сангвиния. За его спиной был десантник, который казался Тендзину знакомым. На плече этого десантника было символ Караула Смерти, а в правой руке он держал богато украшенный психосиловой посох библиария. Его лицо было скрыто под складками психического капюшона.

Тендзин стоял перед ними на коленях.

- Члены клана поклонялись Кхорну, повелитель, также они были мутантами. Необходимо было провести зачистку, - капеллан знал, что это не было ответом, которого от него ждали.

- Да, но что насчет мирных жителей, пленников?

- Они тоже были мутантами, повелитель.

- Но не культистами?

- Нет, повелитель. Они были пленниками для жертвоприношений.

- Знаешь ли ты, брат капеллан, что все кланы Ваалия Троицы так или иначе несут на себе следы мутаций, из-за радиационного фона этого негостеприимного мира? Мы, может быть, и далеко от Ваала примус, но найти мир, первый похожий по условиям на родной мир Кровавых Ангелов, заняло у Ангелов Сангвиновых многие столетия. С того времени мы сменили уже много планет, но только этот мир получил имя «Ваалий». Мы остановились здесь не просто так. Наше геномное семи требует получателей генетически схожих с теми, которых набирает породивший нас орден, схожих с людьми, избранными самим Сангвинием. Местное население необходимо защищать. Они - часть нашей природы. И стоит ли напоминать тебе, капеллан, что я сам родился на этой планете.

- Я не мог остановить резню, повелитель. Скверна привела скаутов в ярость.

- Ты не мог, или не хотел, брат капеллан? – спросил библиарий из-под капюшона.

- А что насчёт мертвых скаутов, Тендзин? Что насчет Эндо, который прямо сейчас привязан к Плите Лестраллио в аптекарине? – в голосе Ансатсу сквозили странные нотки, заставившие Тендзина отшатнуться. Библиарий также слегка изменил положение, как будто удостоверившись в своих мыслях. В воздухе чувствовалось скрытое удовлетворение.

Тендзин перевел взгляд со жреца на библиария и обратно. Что-то было не так. Десантник из Караула Смерти не был чужаком. На его поцарапанной и побитой в бесчисленных боях с неописуемым врагом броне был нанесен символ Ангелов Сангвиновых. Когда он вернулся в орден, и какие ужасы он принёс во тьме своего расширенного сознания?

- Ты останешься в своих покоях, капеллан, пока мы не решим твою судьбу, – верховный жрец махнул рукой и библиарий встал по стойке смирно, слегка поклонился и шагнул вперёд, чтобы проводить Тендзина к его комнатам.

Адамантиевая дверь со звоном закрылась за спиной Тендзина, оставив его в одиночестве в поспартански обставленной комнате. Капеллан задумался о событиях последних недель. Верховный жрец разжаловал его из ветеранской первой роты, не смотря на то, что только Тендзин мог контролировать «ярость» её членов. Эта мысль принесла ему новые беспокойные моменты рассуждений о том, какие погромы устраивает на передовой рота смерти без него. Сам Тендзин был приставлен к десятой роте – скаутам. Их, конечно, необходимо было наставлять, но они редко находились под влиянием «жажды».

Несмотря на это, на первой же обычной миссии на домашнем мире, он потерял контроль над целым отделением. Скауты устроили настоящую резню, даже убив трех своих братьев. Один из них оказался настолько потерян, что сейчас был прикован адамантиевыми кандалами к Плите Лестраллио, на которой он яростно бился со своими собственными демонами. Тендзин никогда не слышал о том, чтобы скаут оказывался настолько далеко.

На другой стороне комнаты Тендзин заметил свою потрепанную копия Кодекса Сангвинового. Это была одно из последних оставшихся оригинальных копий, унаследованная от ветерана-капеллана Реонтрека. В книге содержались запретные страницы, описывающие проклятие, которое Ангелы Сангвиновые унаследовали от Кровавых Ангелов. Доступ к этому знанию был только у капелланов и верховных жрецов. Тендзин щелкнул переключателем, открыв прозрачный шкаф, поддерживающий атмосферу вокруг древнего тома. Он аккуратно поднял его с пьедестала и погрузился в медитацию. Перед глазами мелькали знакомые страницы, но ему не было нужды их читать. Каждая из них была отложена в его фотографической памяти уже очень давно. Однако его поддерживало ощущение книги в руках, ощущение того, что он держал часть древнего наследия Ангелов. Он читал в задумчивой тишине, его веки мягко прикрыли уставшие глаза.

После ужасной смерти Сангвиния Кровавые Ангелы были разделены на многих наследников, а самыми славными и верными образу примарха были Ангелы Сангвиновые. Но больше не было живой крови Сангвиния, поэтому всё, что от неё осталось было собрано в Алом Граале Кровавых Ангелов, откуда кровь выпили верховные жрецы орденов-наследников. Таким образом, кровь и жизнь Сангвиния были сохранены в телах его детей. Все недавно принятые посвященные и новички Ангелов Сангвиновых пили из Грааля Ангелов и получали инъекцию крови верховного жреца. Они наполнялись кровью примарха, впитывая часть самой его сути через посредника – Избранного Сангвинием. Затем омофагия

космодесантника работала над тем, чтобы отразить полученную кровь в душе каждого десантника, и, таким образом, каждый орден-наследник постепенно наделяется характеристиками верховного жреца – Избранного. Сама сущность Ангелов Сангвиновых происходила от примарха, а затем отваги и чести Сервия, первого из верховных жрецов древнего ордена...

Тендзин прервал медитацию, пораженный ужасным осознанием. Он искал в памяти образ каждого из десантников, за которым он следил, когда они поддавались «ярости» или «жажде» и не мог отрицать очевидное. До того как Ансатсу стал верховным жрецом, «ярость» была сосредоточена в ротах ветеранов, вероятно, возбуждаемая все увеличивающимся постоянным участием в кровавых битвах. После того, как Ансатсу принял Грааль Ангелов, «ярость» стала проявляться и в молодых ротах. Недавние события с отделением скаутов были кульминацией происходящего.

Ансатсу сказал ему в храме, что все кланы Ваалия Троицы хотя бы немного подвержены мутациям, и в его тоне сквозило удовлетворение, понял Тендзин. Он также понял, что Ангелы Сангвиновые набирали рекрутов из мутантов, что сам Ансатсу был выбран из их числа, став первым десантником с Ваалия Троицы, достигшего такого положения. В крови верховного жреца бежала скверна! Тендзин с трудом сдержал свою животную реакцию на это осознания, резко вскочив на ноги в поисках оружия. Чистейшая кровь Сангвиния разбавлялась и свертывалась запятнанной кровью Ансатсу, перед тем как попадала в жилы неофитов. Конечно «жажда» будет проявляться чаще, если сама суть Сангвиния подавлялась загрязнением Ансатсу. Грааль Ангелов превратился в Грааль Проклятия. Как много времени потребуется, чтобы довести орден до точки невозврата? Во имя Трона, их численность и так была небольшой. Тендзин решил, что этому пора положить конец. Немедленно.

- Эндю, ты слышишь меня, дитя моё? – Ансатсу с привязанностью смотрел на юного скаута и улыбнулся, - отлично сработано, сын мой, отлично.

Скаут продолжал дергаться и пытаться вырваться из адамантиевых оков, крича на невидимые образы, мучавшие его душу, и вопя в агонии от того, как обжигала его кровь.

Облаченный в великолепную боевую броню с кроваво-красной правой стороной и смертельно-черной левой, капеллан Тендзин надел свою маску смерти, взял огнемет и мелтаган и закрепил древний силовой кулак в чехле на ноге. Подвешенный над основным сердцем на цепи из давно позабытого металла розарий издавал праведный рык. На спине капеллана тихо гудел прыжковый ранец, нетерпеливо ждущий того, чтобы по команде пробудиться к жизни.

Тендзин бросил гранату к закрытой двери покоев. Она взорвалась, ударившись в дверь, жестоко выбив её в коридор. Тендзин шагнул сквозь пламя и вышел в коридор, как тень самой смерти. Двое из стражей у двери погибли сразу, разможенные в кашу неожиданным ударом тяжелого адамантия. Остальные просто устали на капеллана, нависшего над ними в броне, по которой гуляло пламя. Взгляд из фиолетовых линз маски смерти видел их души насквозь. Потерявшие ориентацию и оглушенные стражники в страхе убежали, исчезнув в паутине коридоров. Тендзин позволил им уйти, ему не было дела до того, что они поднимут тревогу.

Дорога к Храму верховного жреца лежала через камеры вокруг апотекариона, в которых содержались недавно посвященные в роту смерти, ждущие момента, когда они смогут присоединиться к проклятым боевым братьям на кампаниях вне планеты. Капеллан выбил двери без единого колебания, взорвав их

мельта-бомбой. Оказавшись внутри, он не удивился, встретив остатки своего отделения скаутов, облаченных в черную броню роты смерти. Перед ними на коленях стоял капеллан, повторяющий литанию спокойствия, удерживавшую их под контролем до того, как они понадобятся в битве. Не останавливаясь, Тендзин выстрелил из мельты, превратив голову пораженного капеллана в лужицу расплавленных плоти и костей.

- Вы, шестеро, за мной! - приказал он властным шепотом, которому новички роты смерти не могли противиться, - нам нужно пролить кровь. За Императора и Сангвиния!

- За Императора и Сангвиния! - повторила рота смерти, выбегая из комнаты за капелланом с желанием впечатлить этого внушительного воина и жаждой битвы в сердцах.

Коридоры заполнялись гвардейцами, укрепляющимися на перекрестках и глухих углах. Но они не имели ни малейшего шанса против ярости роты смерти, которая прошла сквозь них, оставив за собой кровь и крики. К тому времени, как Тендзин достиг Храма, перед ним собралась почетная стража Ансатсу. Вперед выступил знаменосец, воздевший древко со знаменем Ангелов Сангвиновых, чтобы его увидела рота смерти.

- Именем Сангвиния и его законного Избранного, остановитесь, предатели!

Рота смерти замедлилась, их уже мало понимающие разумы начало раздирать в разные стороны, когда символизм знамени ордена начал проникать в их мысли. Но Тендзин был готов к этому и сразу оказался на острие атаки. Его розарий сиял, а маска смерти наполнила отделение трепетом. Капеллан стрелял из огнемета на бегу, позволив волне пламени уничтожить образ знаменосца в глазах проклятых воинов. Этого было достаточно, и рота смерти ринулась сквозь пламя, чтобы вступить в бой с почетной стражей, наполненная внутренним ощущением праведности. К тому времени, как они снова увидели знамя, было уже слишком поздно. Силы столкнулись в битве, и мощная инерция «ярости» уничтожила все способности к рассуждению.

Сам Тендзин взвился в воздух над битвой, двигатели прыжкового ранца с ревом несли его, пока он проклинал трусость Ансатсу, спрятавшегося за спинами почетной стражи в великом храме. Капеллан прочертил горящий путь сквозь ночное небо, направляясь к крыше, усыпанной уродливым готическим величием горгулий и угловатых башенок. Ещё один бросок гранаты, и в крыше образовалась дыра, достаточная, чтобы впустить космодесантника. Тендзин проскочил в лежащую внизу тьму ещё до того, как дождь из развороченной кладки коснулся земли. Отбросив маску смерти, он покинул битву снаружи, в поисках своей цели в темных комнатах. Он включил двигатели прыжкового ранца. Шум двигателей разорвал глубокие тени на полосы пламени...

- Думаю, что уже знаком с историей с этого момента, - сказал инквизитор Аддисс, отворачиваясь от Плиты Лестраллио и щелкая выключателем, освободившим Тендзина от алмазиевых оков. Пока инквизитор поворачивался, капеллан заметил за его спиной странного библиария из Караула Смерти. Тендзин взглянул на него с непониманием, сплюнув кровь изо рта, пока пытался сесть. Его раны были серьезными, и даже это небольшое движение было болезненным. Без брони, капеллан чувствовал себя слабым и незащищенным.

- Значит, ты веришь мне, инквизитор? - недоверчиво спросил Тендзин.

- Это не имеет значения, прав ты или нет, не имеет значения, верю ли я тебе. Роль играет то, что ты

веришь в это сам, и я верю в это.

- Разве Инквизиции не важно, что я совершил?

- Инквизиции важнее знать, почему ты это совершил брат-капеллан. Твоя чистота и честь входят в наши интересы, а твои действия принадлежат только тебе. Как я уже сказал, только Император может судить их.

- Я был верен самому себе, - настаивал Тендзин, уверяя как себя, так и инквизитора, который переглянулся с библиарием.

- Да, теперь я вижу это. Однако, ты, возможно, не понимал, что также послужил Инквизиции.

Тендзин склонил голову набок и вопросительно взглянул на Инквизитора.

- Нет, этого я не понимаю. Я служу Императору и Сангвинию.

- Так и есть. Но, так сложилось, что я уже некоторое время наблюдал за вашим бывшим верховным жрецом. Его заинтересованность в мутантах из кланов Ваалия Троицы была подозрительной. Настолько подозрительной, что мы прибегли к помощи Ашока, когда он вернулся из Караула Смерти.

Глаза Тендзина остановились на скрытном силуэте за спиной инквизитора, том же самом, который, три месяца назад, стоял за спиной Ансатсу, а затем, рядом с инквизитором на выходе из храма, когда Тендзина повергли. Капеллан был уверен, что уже видел его, но очень давно.

- Что делал библиарий?

- Ансатсу доверял Ашоку, поверив, что «жажду» роты смерти нельзя покорить и подозревая, что он был запятнан годами схваток с силами Хаоса в Карауле Смерти. Наш библиарий не пытался развеять его иллюзии. Ашок доложил о «вкусах» верховного жреца, кровавых ритуалах которые он проводил, распитии крови Ваальских культистов и их жертв - мутантов. Для Инквизиции этих доказательств было достаточно, чтобы понять, что он осквернен. Возможно, это было наследием его жизни в кланах. Ашок же, как библиарий Ангелов Сангвиновых, боялся того, что это питье крови превратит Ансатсу в последователя Кхорна, потому что его омофагея запоминала желания культистов, чью кровь он забирал. Ашок сказал, что в мыслях Ансатсу был план, по изменению Ангелов Сангвиновых, но он не смог прочесть подробности. Долгое время он подозревал, что ты был частью этого плана.

- Инквизиция также обратила внимание на увеличившееся число проявлений «жажды» среди неофитов и молодых десантников, - продолжил Аддисс, - я подозревал, что это - часть плана Ансатсу, но не мог понять, как бы он контролировал это. Твоё объяснение о Граале Ангелов всё объяснило.

Тендзин был поражен.

- Когда вы узнали, что я не участвовал во всём этом?

- Только что. Ашок начал подозревать, что ты не часть плана, когда Ансатсу перевел тебя из роты смерти, позволив ей устраивать неконтролируемую бойню на передовой и проливать бесчисленные океаны крови, которые, похоже, радовали верховного жреца. Но действия отделения скаутов под твоим командованием снова заставили библиария сомневаться. Возможно, ты и был причиной их осквернения? Однако Ансатсу был поражен и восхищен резнёй, которую они устроили, и мы разгадали его план. У него появился идеальный повод убрать тебя, самого опытного из Ангелов, в вопросах контроля того, что он пытался высвободить, из игры.

- Твоё кровавое столкновение с верховным жрецом было для нас двусмысленным. Возможно, оно было результатом твоих собственных изъянов, что ты поддался «жажде» и напал на своих собственных боевых братьев. В твоих глазах горела «ярость», когда мы нашли тебя на входе в храм, и решили не рисковать.

- Поэтому приковали меня к Плите Лестраллио.

- Именно. Нам нужна была уверенность в том, что ты действовал из побуждений чести и веры в Императора и Сангвиния, а не из слепой жажды крови. Не имеет значения, прав ли ты был насчет Грааля Ангелов. Ансатсу был осквернен, а твои мотивы – чисты...

Инквизитор прервался, отвлеченный движением Ашока за его спиной. Библиарий встал на колени, а его плащ взвился, когда он склонил голову и приложил кулак к груди.

Тендзин тоже обратил внимание на показное почтение ветерана-библиария, и в его уме начало формироваться понимание, как будто оно было в его крови. Он свесил ноги с плиты и через боль встал на ноги. Гордость требовала этого.

Аддисс перевёл глаза с Тендзина на Ашока, его непонимание постепенно сменилось подозрительностью, когда он увидел, как в глазах Ангелов Сангвиновых, смотрящих друг на друга, загорелось молчаливое согласие. Инквизитор прищурился и задумался в тишине, зажатый между двумя мгновениями осознания, но не являющийся их частью. Он никогда не доверял библиариям с их психическими капюшонами и психосиловыми посохами. От них несло варпом. Он мог чувствовать их присутствие в воздухе, оно вызывало головокружение.

А для решения этого вопроса с Ангелами Сангвиновыми Аддисс находился на толщине эльдарского клинка от того, чтобы запросить помощь Сестер Битвы для визита на Ваалий Троицу. Насколько сильно им нужно было мутировать, чтобы стать еретиками, живым оскорблением броне и генному семени? Он передумал, только когда понял, что этот запрос передаст все полномочия Экклезиархии. Знает Император, между Экклезиархией и капелланами Кровавых Ангелов нет теплых отношений.

Ясность постепенно вкрадывалась в запутанные мысли Аддисса, и он начал понимать, что это за импровизированная церемония. Все части головоломки вставали на место. Как только Ансатсу погиб, ветеран-капеллан Тендзин стал самым высокопоставленным из Ангелов Сангвиновых и автоматически возносился до положения верховного жреца.

Он наблюдал за капелланом и библиарием и их горящими глазами, и задумался, что они собирались делать теперь. Как они скроют всё произошедшее? Как они объяснят потерю так многих членов ордена, включая верховного жреца, особенно когда их численность уже и так мала? Заинтересуют ли эти объяснения Ордо Еретикус?

Неприятная мысль проникла в разум Аддисса, отбросив его раздумья и впечатавшись в сознание.

Вот так мы скроем всё.

Инквизитор дернулся, выйдя из задумчивости, и повернулся к библиарию. Его лицо было мертвенно бледным, а глаза горели красным огнем, проникая в душу Аддисса и удерживая его тело на месте.

Ты никому об этом не расскажешь, брат инквизитор.

Аддисс чувствовал, как его горло сжимается, а дыхание в холодном воздухе аптекариона затрудняется. Он открыл рот, чтобы протестовать, потребовать от Ашока выпустить его, заставить его вспомнить все

битвы, в которых они сражались вместе последние десятки лет, но не смог сказать ни одного слова. Он схватился за горло, в бессмысленной попытке сорвать невидимые руки, душившие его. Сражаясь с оковами библиария, Аддис повернулся к Тендзину, взглядом пытаясь добиться снисхождения от нового верховного жреца. В его глазах не было ничего, кроме крови, и инквизитор с ужасом увидел, как Тендзин подал рукой быстрый рубящий жест.

- За Сангвиния и Императора, - произнес Тендзин с холодным спокойствием.

Глаза Ашока загорелись ещё ярче и Аддис, сам того не желая, повернулся к нему. Ноги инквизитора едва касались пола, он попытался отвернуться, но Ашок удерживал его взгляд на месте.

Мысли, казалось, появляются откуда-то из живота, разрастаются и пробиваются вверх, через грудь. За Сангвиния и Императора, смерть пришла за тобой. Слова пузырились в его крови и проходили сквозь яремную вену, заполняя мозг окончательной ясностью.

Смерть пришла за тобой. Смерть идёт. Она здесь.

В самом конце своей жизни Аддис увидел мир в величественном красном свете, спектре оттенков багрового, алого и рубинового. Все капилляры в его глазах лопнули, когда кровь в голове потребовала выпустить её, создав новые пути для снижения давления.

Инквизитор был мертв, из его глаз бежала кровь, собираясь вокруг его недвижимого тела, Тендзин одобряюще кивнул.

- За Сангвиния, - хором сказали космодесантники.

- Возьми вторую роту и расправься с остатками его свиты, - сказал Тендзин со спокойной уверенностью, - никто не должен покинуть это место.

Ашок кивнул в знак согласия. Надев капюшон, библиарий Ангелов Сангвиновых вышел из аптекариона с мерцающим психосиловым посохом в руке.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровь_ангелов_/_The_Blood_of_Angels_\(рассказ\)&oldid=10969](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровь_ангелов_/_The_Blood_of_Angels_(рассказ)&oldid=10969)

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 февраля 2020 в 21:06.